

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

ФИЛАТОВА
Наталья Маратовна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КАЗИМЕЖА БРОДЗИНСКОГО:
КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 1997

Работа выполнена в Институте славяноведения и балканистики
Российской Академии Наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук И.И.Свирида

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук С.М.Фалькович
доктор философских наук Н.Н.Козлова

Ведущая организация –
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
исторический факультет, кафедра истории южных и западных славян

Защита диссертации состоится 24 июня 1997 г. в 15⁰⁰ час.
на заседании диссертационного совета Д. 002.97.02 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте
славяноведения и балканистики РАН по адресу: 117334 Москва, Ленинский
просп. 32–А, корпус "В", 9 этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
славяноведения и балканистики РАН

Автореферат разослан 14 мая 1997 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Э.Г.Задорожнюк

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

В данной работе предпринята попытка исследовать историческую мысль Казимежа Бродзиньского путем анализа ключевых понятий его "исторического лексикона". Цель работы состоит в том, чтобы на основании этого анализа выявить характерные аспекты польского исторического сознания первой трети XIX в.

Казимеж Бродзиньский (1791–1835) был одной из центральных фигур польской культуры первой трети XIX в. Годы его творческой активности совпали со временем существования конституционного Королевства Польского, бывшего в 1815–1830 гг. центром национальной культурной активности. Деятельность Бродзиньского была тесно связана с работой варшавского Общества друзей науки, с литературно-эстетическим журналом "Паментник Варшавский" (1815–1823), а также с Варшавским университетом, где в 1822–1831 гг. он занимал место профессора кафедры литературы, читал лекции по истории польской литературы и эстетике. Известный поэт, литературный критик, ученый, основной сферой интересов которого была литература и ее история, а также публицист и общественный деятель, К.Бродзиньский в своих трудах постоянно обращался к вопросам истории и национального самосознания, рассуждал о прошлом и будущем Польши. Представления К.Бродзиньского об истории, нашедшие отражение в его работах, и являются *объектом* нашего исследования.

Основным материалом для исследования служат литературно-критические статьи Бродзиньского, курсы прочитанных им университетских лекций, а также патриотическая публицистика. Большинство критических статей Бродзиньского, первая из которых "О классическом и романтическом, или о духе польской поэзии" (1818) инспирировала знаменательный для польской культуры первой половины XIX в. спор романтиков и классицистов, объединены общей целью: создать модель польской литературы, отражающую неповторимые своеобразные черты нации. Этой задаче посвящены работы "Письма о польской литературе" (1820), "Мысли о стремлении польской литературы" (1820), "Мысли о польской драме" (1821), "Письма о литературе" (1822), "О состоянии и духе литературы во времена Станислава Августа, Княжества Варшавского и в нынешнюю эпоху" (1830), а также произведения, в которых анализируются отдельные жанры, сферы

или тенденции литературы – “О критике” (1830), “Об экзальтации и энтузиазме” (1830), “Об элгии” (1822), “О сатире” (1823), “Об идиллии с нравственной точки зрения” (1823).

Лекции К.Бродзиньского по истории польской литературы, представляющие собой первую в Польше попытку историко–литературного синтеза, охватывают обширный материал – от древних хроник до произведений конца XVIII – начала XIX вв. Бродзиньский рассматривает литературу в широком общеисторическом контексте, подробно характеризуя этапы развития польского государства и его культуры. Большое внимание он уделяет исследованию общеевропейского культурного фона, обращаясь для сравнения к античной, а также французской, немецкой, итальянской, английской и испанской литературам.

К патриотической публицистике Бродзиньского относятся его статьи и речи, написанные и обнародованные в период восстания 1830–1831 гг., а также обращенное к польской эмиграции “Послание братьям–изгнанникам” (1835).

Ноябрьское восстание стало переломным моментом в творческой биографии Бродзиньского. Речь “О польской национальности” (1831), прочитанная ученым на заседании Общества друзей науки в период восстания и восторженно воспринятая соотечественниками, сделала его одним из духовных лидеров нации. Непосредственным предметом осмысления в ней стали судьбы польского народа, его историческое предназначение, трактуемое в мессианистском духе. Эта тема была впоследствии продолжена в “Послании братьям–изгнанникам”, в котором Бродзиньский изложил свою историософскую концепцию, сформировавшуюся после поражения национально–освободительного восстания.

Историческая рефлексия, которой проникнуто большинство произведений Бродзиньского, играла важную роль в его творчестве. Как исследователю Бродзиньскому был присущ комплексный подход к истории литературы и культуры в целом. Такой подход к истории культуры сложился у него под непосредственным влиянием И.Г.Гердера и Ж. де Сталь. Наряду с их идеями он усвоил и реализовал в своих трудах идеи Ф.Шиллера, И.Г.Фихте, братьев Шлегелей, Ф.Р.Шатобриана и других европейских писателей и мыслителей конца XVIII –начала XIX вв. Будучи убежденным в том, что характер произведений искусства определяется многосторонними связями с общественно–историческими

условиями, Бродзинский искал объяснения литературным явлениям в исторических, социальных процессах. Таким образом, история, воспринимаемая ученым через развитие наук и искусств, являлась неотъемлемым компонентом его мышления.

В этом К.Бродзинский в полной мере отразил особенности культуры своего времени. В конце XVIII – первой половине XIX вв., когда вызревали основы научного мышления и “научная” история только формировалась, историческое сознание эпохи в большей степени характеризовала история “философская”. Она развивалась в различных гуманитарных исследованиях – трудах по философии, эстетике, истории искусства и литературы.

Концепция, в которую складываются исторические реминисценции Бродзинского, его рассуждения о прошлом, настоящем и будущем страны, занимает одно из важных мест в развитии польской исторической мысли XIX в. Бродзинский известен как один из первых в Польше глашатаев национальной идеи, как приверженец славянофильских взглядов. Он был первым польским ученым, кто серьезно занялся проблемой “национальности” литературы и искусства, представил оригинальную концепцию национального художественного творчества, основанную на глубоком изучении европейских эстетических и историко–культурных теорий. Мессианистские взгляды, к которым ученый пришел в конце жизни, открывали центральное для польской романтической мысли историко–философское направление, задававшее тон ее развитию вплоть до 60-х гг. XIX в.

В Польше выразителями родственному Бродзинскому подхода к историческому процессу были Я.П.Воронич, влияние которого на Бродзинского было особенно велико, и М.Мохнацкий. Во многом его исторические взгляды перекликались с идеями И.Лелевеля, В.Суровецкого и других польских историков первой трети XIX в. Однако из всех своих современников Бродзинский выделяется как “переходная” фигура. В его творчестве очевидно происходит смена типов мышления, отражая общее движение исторической мысли и художественных идей. Оставаясь в течение всей жизни вне литературных и политических лагерей, он органически соединял в своем мировоззрении верность рационалистическим традициям Просвещения с восприятием новых,

романтических идей. При этом взгляды ученого менялись со временем и в связи с общественно-политической ситуацией в Польше, приобретая все более явные романтические очертания. Творчество Бродзиньского стало зеркалом, отражающим движение польской исторической мысли первой трети XIX в., фокусирующим ее основные моменты. Анализ его трудов позволяет решить многие проблемы, связанные с историческим сознанием этой эпохи.

Непосредственным *предметом* исследования в настоящей работе является "исторический лексикон" К.Бродзиньского. Анализируются понятия исторического сознания, имеющие в контексте его сочинений значение ключевых. Это еще не термины, но особые высказывания, приобретшие постоянный, характерный для той эпохи и иногда ясный лишь современникам смысл. Ключевые понятия могут быть выражены как одним словом, так и словосочетанием. Взятые вместе, они характеризуют историческую мысль К.Бродзиньского, еще не получившую терминологического оформления, что типично для формирующейся науки в эпоху романтизма, раскрывают "механизмы" сложения представлений об истории.

Задачи исследования состоят в том, чтобы выявить ключевые понятия исторического лексикона К.Бродзиньского, определить их значения в контексте его сочинений. Анализу подлежит и эволюция этих значений. Этот этап исследования необходим для "реконструкции" исторического мышления Бродзиньского. Опираясь на список ключевых слов и имея в виду их значения, мы сможем освободиться от приписываемых им последующими эпохами смыслов и воссоздать реальные измерения видения истории Бродзиньским. Так мы приближаемся к тому, чтобы представить основные направления исторического сознания первой трети XIX в. в целом.

Степень изученности темы. Труды Бродзиньского до сих пор исследовались преимущественно литературоведами, которые изучали творческую биографию Бродзиньского в целом¹, художественные аспекты его творчества²,

¹ Арабажин К.И. Казимир Бродзиньский и его литературная деятельность. Киев, 1891; Gubrynowicz B. Kazimierz Brodziński. Życie i dzieła. Lwów, 1917; Witkowska A. Kazimierz Brodziński. Warszawa 1968 и др.

² Życzynski H. Brodziński – teoretyk śleplanki. Lublin, 1935; Jakobiec-Semkowa M. Kazimierz Brodziński I słowiańska pieśń ludowa. Wrocław, 1975; Kitowiczowa I.

его вклад в развитие польской литературной критики и истории литературы³, а также проблемы литературных влияний⁴. Существуют лишь две работы, посвященные общественно-историческим воззрениям Бродзиньского. Это статья И.Хшановского⁵ и монография И.Биттнера⁶. Ценность исследования И.Биттнера, единственной значительной работы, прямо относящейся к теме диссертации, состоит в том, что он "открыл" Бродзиньского как исторического мыслителя, собрав воедино его разрозненные высказывания по поводу истории, и попытался синтезировать их в единую историософскую концепцию.

В целом, различные аспекты польского исторического сознания эпохи Просвещения и романтизма неоднократно были предметом изучения. К числу наиболее разработанных тем относится тема развитие национальных идей и национального самосознания в первой половине XIX в. Она исследовались в работах А.Валицкого⁷, Е.Шацкого⁸, А.Зелиньского⁹, А.Серейского¹⁰, А.Вержбицкого¹¹. При этом Е.Шацкий, А.Зелиньский и А.Валицкий занялись

Człowiek wobec natury w poglądach Brodzińskiego i Mochnackiego // Pamiętnik Literacki. 1976. Z.3 и др.

³ *Skręt R.* Kazimierz Brodziński jako historyk literatury. Warszawa-Kraków, 1962.

⁴ *Pęcherski C.* Brodziński a Herder. Kraków, 1916; *Adamiak M., Klin E., Posor M.* Recepcja literatury niemieckiej u Kazimierza Brodzińskiego. Wrocław, 1979.

⁵ *Chrzanowski I.* Patriotyzm Brodzińskiego podczas powstania listopadowego. Mowa "O narodowość Polaków" // *Brodziński K.* Mowy i pisma patriotyczne. Kraków, 1926.

⁶ *Bittner I.* Brodziński – historiozof. Wrocław, 1981.

⁷ *Walicki A.* Philosophy and Romantic Nationalism: the Case of Poland. Notre Dame, Indiana, 1994; *Walicki A.* National Messianism and the Historical Controversies in the Polish Thought of 1831–1848 // *Culture and Nationalism in Nineteenth-Century Eastern Europe.* Ohio, 1985.

⁸ *Szacki J.* Ojczyzna, naród, rewolucja. Warszawa, 1962.

⁹ *Zieliński A.* Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831. Wrocław etc., Ossolineum, 1969.

¹⁰ *Serejski M.* Naród a państwo w polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1973.

¹¹ *Wierzbicki A.* Spory o polską duszę: z zagadnień charakterologii narodowej w historiografii polskiej XIX i XX wieku. Warszawa, 1993.

анализом понятия "нации" и его роли в польской общественной мысли. Гораздо меньше внимания польские исследователи уделили типу исторического знания, свойственным тому времени представлениям об историческом процессе и смене эпох. Некоторые аспекты этих проблем разработаны М. Янион и М. Жмигродской¹², А. Грабским¹³, А. Барткевичем¹⁴. Из исследователей польской общественной мысли, обратившихся к истории понятий, следует особо отметить М. Серейского, который проанализировал особенности употребления слова "цивилизация" в Польше XVIII в¹⁵. Краткий словарь лексики и фразеологии польской публицистики XVIII – XIX вв, составленный Ф. Пепловским, невелик по объему и не содержит серьезного историко-культурного анализа¹⁶.

Научная новизна исследования состоит в избранном нами принципе выбора материала и его систематизации. Наша работа на первом этапе заключается в составлении словника на основе всего комплекса текстов, принадлежащих одному автору. Этот метод, очень продуктивный, в славистических исторических исследованиях пока не применялся. Затем работа ведется в историко-культурном аспекте. Список ключевых понятий исторического сознания вводится в исторический контекст. Выявляются коннотации этих понятий, а в необходимых случаях и их изменения, что позволяет целостно охарактеризовать историческое мировоззрение К. Бродзиньского, его видение общества и культуры в историческом движении.

Актуальность работы определяется тем, что избранный нами метод исследования синтезирует исторический и филологический подходы к тексту. Этот синтез характеризует в настоящее время специальное направление мировой исторической науки. Одним из наиболее заметных знаков перемен в ней стало

¹² Janion M., Żmigrodzka M. Romantyzm i historia. Warszawa, 1978.

¹³ Grabski A. Myśl historyczna Polskiego Oświecenia. Wrocław, 1972.

¹⁴ Bartkiewicz A. Obraz dziejów ojczystych w świadomości historycznej w Polsce doby Oświecenia. Poznań, 1979.

¹⁵ Serejski M. Początki i dzieje słów "kultura" i "cywilizacja" w Polsce // Serejski M. Przeszłość a terażniejszość. Wrocław, 1965.

¹⁶ Pępowski F. Słownictwo i frazeologia polskiej publicystyki okresu Oświecenia i romantyzmu. Warszawa, 1961.

“интенсивное использование в исторических работах источников литературного происхождения с помощью теорий и методов, заимствованных из литературоведения”, что получило название “лингвистического поворота”¹⁷. В рамках “лингвистического” подхода “история понятий” выделяется в самостоятельное направление исследований, ведущихся группами историков Германии, Великобритании, Венгрии и некоторых других стран. Ими изучается преимущественно история общественно–политических и философских понятий в контексте национальной письменной традиции. Результаты этих работ, как свидетельствуют ученые, подтверждают перспективность подобного метода¹⁸.

Настоящая диссертация применяет сходный метод для исследования польской исторической мысли первой трети XIX в., тем самым делая шаг на пути распространения практики изучения “истории понятий” в отечественной славистике.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Каждая глава, в свою очередь, делится на параграфы, которые представляют собой своего рода словарные статьи, объединенные краткой вводной частью.

Во **введении** определяются цели и задачи работы, обосновываются применяемые в ней исследовательские методы. Здесь же описываются использованные источники, дается общая характеристика творчества К.Бродзиньского, рассмотренного в контексте его эпохи, а также обзор научной литературы по теме диссертации.

В первой главе “*История и ее основные вехи*” исследуется интерпретация К.Бродзиньским понятия “история” и тех основных понятий, в которых отражены его представления о периодизации исторического процесса. Таковыми являются

¹⁷ Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. С.25.

¹⁸ Richter M. The history of political and social concepts. A critical introduction. Oxford, 1995. См. также Williams F. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London, 1976.

для него "эпоха", "древность", "христианство", "средние века", "возрождение". Анализу каждого из них посвящен отдельный параграф главы.

Исследование текстов Бродзиньского раскрывает типичное для начала XIX в. толкование понятия "история", его многие смыслы и функции. Оно предполагает выявление особого отношения ко времени и к движению, которое было присуще Бродзиньскому и которое разделяли с ним его современники. Для начала XIX в., который часто называли "веком истории", противопоставляя его XVIII в. как "веку философии", понятие "история" было особенно значимо. Историзм становился доминирующим стилем мышления, проявляясь, в первую очередь, в развитии гуманитарных исследований – истории искусства, литературы, языка. Как и многие ученые той эпохи, Бродзиньский осмысливал историю прежде всего через историю культуры. Именно в контексте его историко-литературных исследований, – нового, открытого им направления польской науки, слово "история" становилось ключевым, служило несомненным знаком подхода к культурному процессу как процессу развития. Свою цель Бродзиньский видел в том, чтобы "соединить историю литературы с историей народа".

Характерно, что сознание ученого объединяло в понятии "история" разные, на первый взгляд плохо согласующиеся между собой представления. История в значении прошлого по-прежнему казалась ему кладезем моральных образцов, носителем дидактических функций, но в то же время она, в его глазах, была "единой семейной хроникой" народа. Кроме того, что типично для эстетики романтизма, история, в том числе "сказочная", "первобытная", которая, по его словам, "должна быть поэзией, которую хранит традиция", представлялась Бродзиньскому источником художественных образов, основой национальной культуры. Как сфера научного знания история ассоциировалась прежде всего с последовательным и точным описанием событий, образцом чего служили произведения античных авторов, а в Польше – труды А.Нарушевича, но с другой стороны, она требовала новых романтических подходов. История как память о прошлом представлялась выражением "духа" нации, непременным условием ее жизнеспособности. В таком контексте понятие "история" несло большую эмоциональную нагрузку, подчас сакрализовалось. Особенно ярко это проявилось

в публицистике периода восстания 1830–1831 гг., где "историческое" становится синонимом "патриотического", а реликвии прошлого объявляются священными.

Тексты сочинений Бродзиньского свидетельствуют о том, как в историческом сознании первой половины XIX в. складывалось понятие единицы истории, именовавшееся "эпохой" (*epoca, wiek, czas*). Анализ этого понятия раскрывает типичные принципы классификации истории, в данном случае – деления ее на самостоятельные отрезки. Характерно, что в основе этой классификации, которая способствует формированию образов самих эпох, у Бродзиньского лежат не политические или экономические, а историко-культурные параметры. Таковы "древность", "христианство", "средние века", "воскрешение наук".

Представление об эпохах тесно связано у Бродзиньского, как и у И.Г.Гердера, с понятием "дух времени", подразумевающим общую духовную или интеллектуальную тенденцию, которая составляет неповторимое своеобразие данного периода истории. Так, Бродзиньский пишет о "веках простоты", о "героических" эпохах европейских народов, о "рыцарских веках", "временах схоластики", уделяет особенно пристальное внимание "просвещенному веку".

Основным критерием оценки эпох является их вклад в развитие культуры, наук, в процесс просвещения. Полагая, что "состояние наук нельзя отделить от политического и нравственного состояния народа", Бродзиньский фактически переносит периодизацию истории польской литературы, выработанную еще Ф.Бентковским, на отечественную историю в целом. В этом смысле понятие "литературная эпоха" является для него первичным и служит формированию представлений об эпохе исторической. Важную роль в периодизации истории играет представление о нравственном развитии человеческого общества: эпохи могут различаться "падением нравов", "гражданским упадком", или, напротив, триумфом "гражданских добродетелей".

В толковании Бродзиньским понятия "эпоха" были отражены существенные для исторического сознания того времени аналогии между историей человечества и биологическим циклом. Развитие общества ассоциируется у него со ступенями роста личности: детством, юностью, зрелостью и старостью. Подобные сравнения были характерны для польской литературы первой половины XIX в.: они

встречались, в частности, у И.Лелевеля. Применительно к развитию просвещения и наук Бродзиньский рассматривает эпоху как возраст общества, ступень его естественной эволюции. В эпохах истории польского народа он видит этапы его нравственного развития, взросления.

Понятие "древность" (*starożytność*), которым обозначается наиболее отдаленная часть исторического прошлого, имела в контексте сочинений Бродзиньского вполне определенные временные границы. Под ней подразумевалась эпоха язычества, составляющего "гений древнего мира". С ней в сознании ученого ассоциировались как древность классическая, т.е античность, так и древность "национальная". Благодаря этому в его концепции древности сливались просвещенческая и романтическая тенденции.

Эпоха классической древности, в представлении Бродзиньского, прошла полный цикл развития от детства и юности (времена гомеровской Греции) до старения и смерти (закат и падение Римской империи). Однако доминировали в его концепции античности образы "патриархальной и рыцарской эпохи Гомера", что было связано с характерным для рубежа XVIII – XIX вв. культом первоисточников, всего изначального, первозданного в культуре. Искусство древних греков, их идеал красоты в значительной мере определяли восприятие этой эпохи. Этому способствовали труды И.Винкельмана, известные в Польше в переложении С.К.Потоцкого. Классическая древность оценивалась Бродзиньским в основном по канонам Просвещения как воплощение единого для всех народов и эпох нравственного идеала. Она содержала образцы нравственных начал, являла наиболее приближенную к идеалу модель человеческой личности, характеризующуюся "гармоническим совершенством". Гармоническим казалось Бродзиньскому и античное общество, служащее примером естественной и разумной интеграции людей в коллектив. Понятие "античная добродетель" подразумевало гражданственность, органическую склонность к общественной жизни (*polityczna towarzyskość*).

Понятие "национальная древность", которое подразумевало историческое (прежде всего языческое) прошлое народов, формировавшихся вдалеке от античных цивилизаций и вне их влияния, укоренилось в европейской литературе незадолго до времени Бродзиньского. Оно было связано с культом Оссиана, с

увлечением национальной языческой мифологией, культурами народов Севера (германцев, кельтов, славян), а также Востока. Отголоски всего этого прослеживаются и в сочинениях Бродзиньского. Понятие "национальная древность" в контексте его сочинений подчеркивает те родственные, эмоциональные узы, которыми народ связан со своим прошлым и в которых следует искать истоки его самобытной культуры. Интересуясь "южной", "восточной", "германской" и другими "древностями", Бродзиньский больше всего внимания уделял древности славянской, которая должна была символизировать потенциал, заложенный в польской культуре. Так его отношение к древней эпохе истории человечества окрашивалось в романтические тона, перекликалось с энтузиазмом З. Доленги-Ходаковского, В. Суровецкого, целенаправленно изучавших "национальные древности".

Понятие "христианство" рассматривалось Бродзиньским в историческом плане, как ступень нравственной эволюции человеческого рода. Подход ученого к христианству и открываемой им новой эпохе определялся, с одной стороны, высокой оценкой его просветительской, объединительной миссии, с другой – представлением о его важной роли в формировании европейских народов. В оценке "цивилизаторских" заслуг христианства, без которого "мы еще и близко бы не подошли к нынешнему уровню просвещения", Бродзиньский сближался с Я.П.Вороничем. Вместе с тем, на образ христианства как "рождения античной эпохи" наложил отпечаток подход к его первым векам с точки зрения эстетики и категории поэтического вдохновения. В поэтизации христианского героизма чувствуется эхо "Гения христианства" Ф.Р.Шатобриана, а на образ "христианского рыцарства", наряду с европейской литературной традицией (Ж. де Сталь), оказала влияние и традиция сарматизма.

Показательно, что романтическое толкование христианства не мешало Бродзиньскому выявить и ценность язычества, ему противопоставленного. Он рассматривает его как средоточие национальной стихии, отражая таким образом характерную для начала XIX в. тенденцию польской науки, в наибольшей степени проявившуюся в творчестве З. Доленги-Ходаковского, превозносившего языческую культуру праславян.

Как "романтическую эпоху" описывает Бродзинский "средние века христианства". Эстетическое восприятие этого времени как "эпохи рыцарства и романтической поэзии" заметно расширяет его представление о средних веках, смягчает их однозначно негативную оценку, свойственную мыслителям Просвещения. Тем самым он закладывает основу для восприятия романтизма сквозь призму средневековья, свойственного последующему поколению польских литераторов, начиная с М. Мохнацкого. Однако, в целом отношение Бродзинского к этому периоду истории все же отрицательное. С одной стороны, это вызвано представлением о средневековье как о времени темноты и невежества, крайнего упадка просвещения и нравов, эпохе разобщенности людей, господства мистики и "всего противоестественного", с другой – убеждением в том, что в средние века было подавлено национальное начало.

Понятие "воскрешение наук" (*wskrzeszenie nauk*), которым Бродзинский обозначает эпоху Ренессанса, было напрямую связано с идеей палингенеза (т.е. перерождения и начала новой жизни), которая прилагалась в данном случае к историческому развитию знания. В отношении к этой эпохе Бродзинский следует традиции XVIII в., видевшей генетическую связь "воскрешения наук" с Просвещением. Он воспринимает ее в целом как начало торжества просветительских идеалов, когда наука непосредственно воздействует на жизнь общества. Тем не менее, образ этой эпохи приобретает в его интерпретации черты нежелательной унификации европейской культуры, что свидетельствует о романтическом подходе к истории.

Во второй главе "*Нравственные мерила истории*" анализируются те ключевые понятия "лексикона" Бродзинского, в которых воплощен подход к историческому процессу с универсальных моральных позиций. Это "естественное состояние", "дикость", "варварство", "цивилизация", "просвещение". Через них раскрывается существенный пласт исторического сознания Бродзинского. Играющие центральную роль в его лексиконе, они указывают на устойчивость в его сознании моделей мышления, характерных для эпохи Просвещения.

Так, понятие "естественное состояние", подразумевающее первобытное, соответствующее "сущности" человека состояние человечества, было важной составной частью исторического сознания эпохи Просвещения. С середины XVIII

в польские мыслители под влиянием Ж.Ж.Руссо вели дискуссии о различных аспектах жизни людей в этом состоянии, видя в нем нравственный идеал. В интерпретации Бродзиньского, идея естественного состояния, оставаясь актуальной, трансформировалась в романтическом направлении. Во многом это было связано с воздействием мыслей Ф.Шиллера, И.Г.Гердера, а также Жан-Поля. Рассматриваемое как идеальный образ, как смутное воспоминание о прошлом, свойственное всем народам, как источник вдохновения поэтов, естественное состояние сыграло важную роль в создании Бродзиньским концепции романтической литературы. Близость к идеалам естественного состояния (патриархальной простоте, невинности, чистоте нравов, безмятежной земледельческой жизни) рассматривалась им как один из главных критериев нравственного облика эпохи или народа. Этот образ наложил ощутимый отпечаток на характерную для ученого и многих его современников славянофильскую интерпретацию национального прошлого.

Другие классические понятия Просвещения – “дикость” и “варварство” также служили Бродзиньскому для характеристики состояний социумов, противоположных цивилизованному. Если “естественное состояние” противопоставлялось издержкам цивилизации, то “дикость” и “варварство” – ее положительным достижениям. В общем синонимичные, обозначающие сообщество людей, в котором царят темнота и невежество, отсутствуют мораль, законы, “общественные добродетели” и господствует грубая сила, оба эти понятия имели различные коннотации, отражавшие особенности исторической мысли того времени. Представление ученого о “дикости” в большей степени соотносилось с идеей естественного человека. Естественность первобытной дикости, неизбежного этапа развития общества в глазах Бродзиньского оправдывала свойственные ей грубость и жестокость нравов. Она имела и эстетическую ценность: “дикое” творчество ценилось Бродзиньским как изначальное, нетронутое. Варварство же казалось ему соединенным с отсталостью, испорченностью, порождающей предрассудки и фанатизм: оно означало “не характер, а нравы и обычаи нецивилизованного народа”. С ним у Бродзиньского традиционно ассоциируется культура средневековья. Свойственное Просвещению представление о том, что варварские народы находятся вне культуры и истории,

повлияло на интерпретацию Бродзинским славянской истории. Для него, как и для славистов В.Суровецкого, И.Раковецкого, характерно стремление опровергнуть тезис о варварстве древних славян, доказать их цивилизационную продвинутость, провести границу между "варварством" и "просвещенной древностью".

Понятие "цивилизация" Бродзинский рассматривал в том же ключе, что и философы-просветители Г.Коллонтай, Ст.Сташиц, Я.Снядецкий, которые на рубеже XVIII – XIX вв. вводили его в активный словарь польской науки и подчас строили на нем целые историософские концепции. В истории Бродзинский видел развитие цивилизации, которая воплощала для него идею прогресса, совершенствования человека и человеческого общества. С понятием "цивилизация" он связывает просвещение, интеллектуальный прогресс, развитие политической организации, и, прежде всего – нравственную эволюцию человечества, ибо "всякий прогресс истинной цивилизации является смягчением бурных страстей". Уровень цивилизации, по его словам, зависит и от "способности" народа к ее восприятию извне.

Характерно, что проблема путей приобщения народа к цивилизации представлялась Бродзинскому неоднозначной. В духе своего времени, ставившего во главу угла национальное начало, Бродзинский не только отмечает как положительный факт нахождение поляков в одном ряду с "самыми цивилизованными народами", но и озабочен "дурными плодами" влияния "чужих цивилизаций". Немаловажное значение имела для него и руссоистская идея отчуждения, вызванного развитием цивилизации. Бродзинский приписывал ей определенный цикл развития, который заканчивается упадком, разложением, порчей нравов. Поэтому "цивилизация" часто ассоциируется у него с "испорченностью" (*zepsucie*).

Центральную роль в исторической концепции Бродзинского играло понятие "просвещение", выступавшее в качестве главного критерия истории. В глазах Бродзинского оно являлось абсолютной ценностью и главным фактором развития общества -- "спасительным средством возвышения человечества". Для него и его современников оно означало не просто умножение знаний, но, прежде всего, нравственное совершенствование людей. Мировую и национальную

историю Бродзинский целенаправленно рассматривал как "историю народного просвещения", а последнюю, в свою очередь, с точки зрения того, как она влияла на "нравственное состояние общества". Идея просвещения соединяла прошлое, настоящее и будущее, позволяла видеть в истории определенные циклы, строить историческую перспективу. Непосредственное влияние "наук" на жизнь народа казалось ученому важнейшим фактором его "гражданского состояния", степень этого влияния предопределяла периоды расцвета и упадка.

Характерно, что Бродзинский рассматривал просвещение не как нивелирующий человечество процесс, но как важный фактор формирования национальных культур: он метафорически описывал его как "огонь, являющийся душой нации". Само существование народа, – считал он, – зависит от его принадлежности к "интеллектуальному миру", от самовыражения в науках и искусствах. Каждую нацию, как и "человека ученого", по его мнению, характеризовал свой путь в просвещении, свое "умение использовать науки". При этом Бродзинский видел и консолидирующую роль просвещения. "Объединяющего и совершенствующего земную семью народов".

Третья глава "Индивидуальность народов и эпох" посвящена исследованию группы понятий, связанных с идеей оригинальности национальных культур и исторических эпох. Анализу подвергаются понятия "народ", "национальность", "дух времени", "национальный дух", "славянство", помогающие выяснить, как в сознании Бродзинского развивалось представление о конкретности, индивидуальности всякого историко-культурного явления, составляющее основу романтического восприятия, а также выявить особенности эволюции национальных идей.

Понятие "*naród*" (народ, нация) играло ключевую роль в исторической мысли Бродзинского, как и вообще в польских историософских концепциях первой трети XIX в. (например, в теориях М.Мохнацкого, Ю.К.Шанявского). В духе своего времени он рассматривал народ, в основном, как нравственную, духовную сущность, демонстрируя при этом постепенные изменения в ее интерпретации. Они отражали существенный для польской общественной мысли переход от просвещенческой идеи государства и "гражданского общества" к собственно национальным, а впоследствии мессианистским идеям. В некоторых случаях

ученый все еще употреблял слово "народ" в значении "государства", будучи близок к Ст.Сташицу, видевшему в народе "единую нравственную сущность, которую составляют граждане". Однако в сознании Бродзиньского уже с самого начала доминировали романтические представления о нации как об исторически данной, органической общности, имеющей свои неповторимые индивидуальные черты. Он склонен метафорически уподоблять нацию личности, характеризующейся разнообразными духовными, нравственными качествами. Бытие народа, в представлении Бродзиньского, обусловлено, прежде всего, чувством национального единства и не кончается с "политической смертью".

В конце творческого пути Бродзиньского романтическая концепция народа получает глубокое развитие, сложившись в мессианистскую концепцию. Под влиянием восстания 1830–1831 гг., воспринятого как "воскрешение нации", кристаллизуются его представления о сущности и предназначении народов и о поляках как об "избранном народе". В речи "О польской национальности" народ выступает у Бродзиньского как "врожденная идея, которую его члены, сплоченные воедино, стараются осуществить", как "одна семья, имеющая свою семейную историю и призвание". Бытие нации, "сотворенной" Богом, таким образом целиком относится к мистической сфере, а земным, реальным, границам не придается существенного значения. Необходимым условием ее жизни считается не только самосознание, но и вера в Бога: она делает нацию органической частью всего человечества. Библейскую идею избранного народа Бродзиньский органически соединяет с представлением о "земной семье наций", утверждая, что именно польский народ является первооткрывателями идеи единства народов, "Коперником в нравственном мире". Его последняя работа "Послание братьям-изгнанникам" содержит описание грядущего братства народов – основной цели истории человечества. Своей концепцией нации Бродзиньский закладывает основу развитой А.Мицкевичем, Ю.Словацким, А.Говяньским и другими духовными лидерами "Великой" эмиграции мессианистской философии, которая представляла собой сочетание религиозных и национальных идей.

Своеобразие каждой нации, в представлении Бродзиньского и его современников, детерминировала "*narodowość*", т.е. национальность. Это было

одно из наиболее часто употребляемых и дискутируемых в польской литературе начала XIX в. абстрактных понятий, обозначающее индивидуальное лицо народа, специфические черты его культуры. Бродзинский внес большой вклад в его разработку. Находя различия между патриотизмом и "любовью к национальности", он видит в последней одну из движущих сил истории. Ученый рассматривает *narodowość* как элемент системы ценностей, от устойчивости которых зависит "счастье и возвышение человечества"; наряду с религией, философией и политикой она представляется ему "составной частью нравственного мира". Как и большинство его современников, Бродзинский обнаруживал проявления "национальности" в характере народа, его языке, истории, религии, литературе, а также в присущем ему вкусу. основополагающее значение имело для него понятие национального характера, основанное на популярной в то время теории географического детерминизма (исследованием изначальных черт польского характера занимались также И.Лелевель, И.Раковецкий, В.Суровецкий и др.). Не менее важным в его концепции были язык и литература, "вскармливающая национальность и являющаяся ее зеркалом". Но если первоначально *narodowość* представлялась Бродзинскому изменяющейся с развитием просвещения, подчиненной идее общечеловеческого прогресса, то во время восстания 1830–1831 гг. он осознает ее как самостоятельную ценность, которая развивается независимо, по своим собственным мистическим законам. В этом проявилась общая тенденция польской историко-философской мысли, склоняющейся к иррациональному толкованию истории.

Подобная тенденция прослеживается и в интерпретации Бродзинским понятий "дух времени" и "национальный дух". Привычные для языка начала XIX в., они возникли первоначально во французском варианте (*esprit du siècle, esprit de la nation*), в котором слово *esprit* подразумевало не столько "дух", сколько "смысл", "суть". Зарождающийся романтизм придал им новую смысловую нагрузку, связанную с особой ролью категории духа в системе романтического мировосприятия, что нашло отражение в ключевых для немецкой философии понятиях *Zeitgeist* и *Volksgeist*.

В лексиконе Бродзинского *duch czasu* и *duch narodowy*, выступавшие в роли системы координат, которые определяют характер национальной культуры в

определенный момент ее развития, несли на себе отпечаток как французского, так и немецкого толкования. "Дух времени" он рассматривал как универсальный для всех народов, охваченных просвещением (примечательна устойчивая формулировка "дух времени и просвещения"), подчас видел в этом понятие синоним прогресса человечества. "Дух народа" в текстах Бродзиньского, написанных до 1830 г., также мог трактоваться в просветительском ключе, т.е. подразумевать складывающееся в ходе истории сознание народа, которое меняется, совершенствуется, дополняясь новыми плодами его духовной деятельности. Однако, как и у М.Мохнацкого, такая интерпретация национального духа сочеталась с иной, "метафизической", когда им обозначалась некая неизменная, подобная человеческой душе, идеальная сущность, благодаря которой народы существуют как общности. В речи "О польской национальности" Бродзиньский прямо писал о божественном духе, сошедшем на польский народ в виде огня и на протяжении многих веков чудесным образом оживлявшем его. Создав этот образ, Бродзиньский предвосхищал идеи Мицкевича, который, говоря о национальном духе поляков, приписал символическое значение славянскому понятию *duch*, "взданному, по его словам, с живым религиозным чувством".

Немаловажное значение имело для Бродзиньского понятие *Słowiańszczyzna* ("славянство", "все славянское"), с которым был связан целый комплекс представлений. В контексте польских славистических исследований начала XIX в. (изыскавший В.Суравецкого, З.Долэнги-Ходаковского, И.Раковецкого) оно ассоциировалось, в первую очередь, с древностью, когда предки славянских народов выступали как единая общность, а через нее с величием национальной истории. В центре внимания Бродзиньского, находившегося под сильным воздействием Гердера, был духовный, нравственный облик древних славян, в котором он искал истоки польской национальной индивидуальности. В связи с этим, понятие *Słowiańszczyzna*, обозначающее "особую тему, отмеченную почтением, уважением и даже любовью" становилось почти сакральным: характер славян описывался как воплощение всевозможных совершенств, история как демонстрация добродетелей, а пробелы в ней как печать святости, гонимости. В контексте мессианистских идей Бродзиньского сохранение генетической и

духовной связи со славянской стихией должно была свидетельствовать об особой исторической миссии польского народа.

В *заключении* работы содержится обобщение результатов исследования, в итоге которого историческая мысль К.Бродзиньского предстает как целое, как синтез научного и художественного, как результат взаимодействия зарождающихся наук – истории и истории литературы – и религиозной концепции истории. Представления Бродзиньского об истории выявляются через параметры научного языка, ключевые понятия которого рассмотрены в диссертации. Они раскрывают те основные элементы, из которых в первой половине XIX в. складывалось историческое знание и на основании которых формировалась польская историческая наука. Сведенные воедино, эти понятия способствуют реконструкции “механизмов” исторической мысли и исторического самосознания на сломе историко–культурных эпох (Просвещение и романтизм), в период формирования польской нации.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Образ естественного состояния человечества в творчестве К.Бродзиньского // Человек в контексте культуры. Славянский мир. Москва, 1995 (0,5 л.).
2. “Прекрасное” и “возвышенное”. К.Бродзиньский о нравственных идеалах женщины и мужчины // Национальный Эрос в культуре. Тезисы докладов. Москва, 1995 (0,1 л.).
3. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы. Москва, 1995 (1 л.).
4. Понятие “дух времени” в лексиконе польской и русской публицистики начала XIX в. // Культура и история. Славянский мир. Москва, 1997 (0,7 л.).

Подписано в печать 23.04.97 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60x90/16. Тир. 100. 3.28
ГОПШ ЦНИИТЭИЛегпрома г. М. Завилова, д. 69

